

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ:
ПОИСК ВЕКТОРА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

**«РУССКИЙ МИР» ВНЕ РОССИИ:
ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ**

Цепилова В. И.

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и политологии
Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия)

УДК 9 (с)
ББК 63.3 (2) – 27

В статье анализируется литература, посвященная формированию русскоязычной диаспоры после Первой мировой войны и революций в России. На примере темы «Русского зарубежья» рассматривается развитие отечественной исторической науки, процесс формирования единого мирового познавательного процесса.

Ключевые слова: эмиграция, историография, познавательный процесс, историческая наука.

Tsepilova V.I.

**“THE RUSSIAN WORLD” OUTSIDE RUSSIA:
FROM THE HISTORY OF ITS DEVELOPMENT**

In the article the author analyses the books devoted to the development of the Russian speaking expat community after the WWI and the Revolution in Russia. Using the topic of the “Russian expatriate community” as an example the author considers the development of the Russian history, the formation process of the common global cognitive process.

Key words: migration, historiography, cognitive process, history.

Отличительной особенностью современного мира являются миграционные потоки. Находясь в иной культурной и языковой среде, люди вынуждены, с одной стороны, адаптироваться к обстоятельствам, принимать правила жизни принявшего общества. С другой стороны, являясь носителем культуры своего народа, они знакомят с ней местное сообщество. Это влияние усиливается, если вне Родины одновременно оказываются миллионы людей. Массовая эмиграция из России 1920 – 1930-х гг. имела свои особенности: изгнанники верили в скорое возвращение на Родину и стремились «сохранить и приумножить русскую культуру». Освоение «наследия» этого эмиграционного потока представляет не только большой

научный интерес, но имеет практическое значение для государства, которое стремится использовать диаспоры для распространения национальной культуры, создания положительного имиджа страны. В данной статье предпринята попытка проанализировать литературу, посвященную жизни и творчеству историков-эмигрантов «первой волны», показать процесс формирования единого научного пространства и определить место соотечественников в развитии мировой науки.

В организационном, теоретико-методологическом и концептуальном плане весьма плодотворным стал рубеж 1980–1990-х гг., когда тема «Русского зарубежья» стала самостоятельным направлением в отечественной науке. В настоящее время по непол-

ным данным историей Русского зарубежья занимаются в 120 центрах, в том числе свыше 60 – историей исторической науки. «География» исследовательских центров охватывает крупные города страны от Калининграда до Владивостока, сложилась определенная «специализация» по изучению отдельных направлений, персон, институциональных структур Русского зарубежья.

Интерес исследователей к жизни и научной деятельности эмигрантов в немалой степени был обусловлен состоянием самой науки, поиском новых методологических и концептуальных оснований в условиях жесткой критики познавательной парадигмы, основанной на догматизированном марксизме. Профессиональная рефлексия исследователей, поиск новых схем историописания поставили вопросы о до-революционном наследии российской историографии, преемственности и разрыве в научном познании, месте отечественной науки в мировом познавательном процессе.

В формировании интереса к проблемам Русского зарубежья большую роль сыграла публицистика [1], заслугой которой стала постановка проблемы, придание ей общественно-значимого звучания. Вместе с тем эти работы нередко содержали необоснованные оценки, игнорировали весь пласт советской историографии. Стремление к сенсационности, к выпячиванию отдельных, не значимых в научном отношении фактов в значительной степени снижало их научную ценность [2], а попытка героизации эмигрантов и игнорирование советской историографии были охарактеризованы А.В. Квакиным как «знаковое опрокидывание, когда в одночасье «хорошие» и «плохие» меняются местами» [3].

В этот же период были сформулированы основные методологические и концептуальные идеи, была поставлена проблема целостности, сопряжения истории, культуры России и российского зарубежья, а возвращение на родину «наследия» эмигрантов первой волны ставилось в качестве главной исследовательской задачи. Такая постановка проблемы была преемственна с идеями эмигрантской и поздней советской историографии, но в современных условиях она могла решаться уже на более широком круге источников и различных методах их обработки [4].

Становление нового направления потребовало уточнений дефиниций. В этом плане можно выделить два основных подхода: в первом случае к Русскому зарубежью относят тех, кто в силу разных причин оказался вне границ своей прежней государственности. Другая точка зрения, базируясь на связи языка и культуры, относит к «Русскому зарубежью» тех, «кто не принял режим большевиков, но кто говорил на родном языке с теми, кто остался в России, и кто

придерживался той же культуры». Такое представление о Русском зарубежье совпадает с позицией самих эмигрантов, которые вкладывали в это понятие духовные и культурные характеристики, которые материализовались в создании многих структур прежней образовательной, научной, профессиональной и общественной организации. В последнее время для обозначения русскоязычного и/или принадлежащего к русской культуре меньшинства в зарубежных странах используется понятие «Русский мир» [5].

В рамках разработки проблемы Русского зарубежья естественным был интерес к определению общего и особенного в эмигрантских потоках из России, что можно было выявить на основе их периодизации. Статья Н. Л. Пушкаревой [6], посвященная этой проблеме, вызвала дискуссию на страницах печати. Современные исследователи отмечают сложность предложенной автором схемы, так как в нее входят не только массовые потоки, но и эпизоды персональной эмиграции из ранней истории страны [7].

Достоинством «сквозной» периодизации является выявление общих черт миграционных потоков, позволившее, в частности, показать негативное отношение к эмиграции и эмигрантам в советской России. Нам представляется, что такое отношение является не только результатом советской политики, но имеет более длительную традицию, которая восходит к эпохе становления российской государственности. Наряду с новыми познавательными возможностями «сквозная» периодизация таит в себе определенные недостатки, связанные с игнорированием специфики пореволюционной эмиграции.

В современной историографии поставлена проблема периодизации процесса изучения Русского зарубежья [8]. Как правило, критериями выступают – смена методологических основ, изменение источниковой базы; рассматривается только российская литература. Если рассматривать историографическое пространство в целом, включая в него зарубежную литературу, временные параметры, методологическое многообразие, «географию» исследований, источниковую базу, то объединяющим критерием может быть предмет исследования (выделение исследовательской проблемы «Русское зарубежье» и исторической науки как ее части) и борьба основных тенденций в развитии исторической науки.

Первая тенденция, «разрыв», определялась не только идеологическим противостоянием, но тем различием, которое характерно для позитивизма и марксизма, а также тем, что каждая новая методология утверждается через борьбу с доминировавшей прежде схемой. Вторая тенденция, «сопряженность», была обусловлена теми общими чертами, которые свойственны позитивистской и марксистской мето-

дологиям (признание теории прогресса, закономерностей исторического развития, многофакторности процесса). С этой точки зрения можно выделить два больших периода: 1920 – конец 1980-х г. г. XX столетия; конец 1980-х г. г. – настоящее время. Для первого периода характерны такие черты, как ограниченность источниковой базы, идейно-политическое противостояние, для второго – доступность архивных материалов и историографических источников; методологический плюрализм; сотрудничество отечественных и зарубежных исследователей. При этом в первом периоде можно выделить 1920-1930-е гг., когда эмигрантская историческая мысль рассматривалась как часть отечественной культуры; 1940-е – середина 1980-х гг. – творчество историков-эмигрантов воспринимается как часть зарубежной историографии.

Обращение к теме Русского зарубежья поставило вопрос о соотношении традиций и новаций в творчестве историков-эмигрантов. М.Г. Вандалковская справедливо говорит о том, что традиции определяют основополагающим вкладом, который внесли ученые предшествующего периода в разработку отдельных сторон исторического процесса в целом, истории России, в создание исторических концепций, отдельных отраслей исторического знания, в исследование фундаментальных и конкретных проблем. С этой точки зрения, эмигранты унаследовали весь спектр достижений отечественной и мировой историографии – от С.М. Соловьева до В.О. Ключевского [9].

Признавая, что общественная наука не может быть свободной от общества, главным стимулом в ее развитии являлись нужды самой науки, автор не экстраполирует этот тезис на советскую историографию и явно недооценивает работы советских исследователей. В восстановлении связи современной исторической науки и дореволюционной историографии не находится места исследованиям советской эпохи, которые представляются как разрыв с предшествующей традицией.

Особое внимание современные авторы уделяют методологическим поискам эмигрантов. Републикации трудов историков-эмигрантов в постсоветский период сопровождалась вступительными статьями, которые отличались высоким научным уровнем, постановкой проблем, требующих дальнейших исторических изысканий. Так, В.Ф. Бойков считает, что Г.П. Федотов, в сущности, не исследует новые данные, а переосмысливает уже известные факты, создавая новую конструкцию прошлого страны. Несколько иной взгляд на творчество историка содержится в статьях французской исследовательницы Д. Бон, которая показывает коренное отличие методологии Федотова от господствовавшей дореволюционной традиции, связанной с именем и творчеством В.О. Ключевско-

го. Она считает, что историки совершенно по-разному определяли предмет, цели и задачи исторического исследования, что «реабилитация» Федотова должна направить российскую историографию на изучение истории религиозного сознания (духовных ценностей), которая приведет к разрушению мифа, «обернувшегося тоталитаризмом, и созданию многополярной истории» [10].

Соглашаясь с общими выводами Д. Бон, нам представляется спорным тезис о различиях московской и петербургской школ, так как первая дала не только «тоталитарную» школу Ключевского, но и теоретико-методологические поиски и находки Р.Ю. Виппера. Вторая школа, наряду с новациями Л.П. Карсавина и Г.П. Федотова, имела основательное «генетическое» направление в историографии (С.Ф. Платонов, Е.Ф. Шмурло и др.). Более убедительно звучит тезис Бон о разных поколениях историков, о различии подходов, связанных с иной общественно-политической и научной ситуацией, в которой они реализовывали себя.

А.Л. Ястребицкая в ряде статей убедительно доказывает, что конкретно-исторические исследования Л.П. Карсавина и его «метафизика» стали одним из истоков европейской школы «Анналов» и исторической антропологии. Д.М. Володихин, отмечая, что Р.Ю. Виппер несколько раз менял свои методологические убеждения, подчеркивает, что принципиально новыми для того времени были подходы к теории прогресса, роли культуры в истории и роли интеллигенции; определение места индустриализма в истории человечества, приоритетных предметов исторического познания.

Таким образом, мы можем констатировать, что современные историки многое сделали для выявления традиционных и новаторских концепций эмигрантского наследия. Но проблема остается открытой для дальнейшего изучения, что связано с необходимостью вовлечения в научный арсенал многих еще неизученных работ эмигрантов, а также тем, что относительно исследовано творчество только «верхнего», самого известного по дореволюционной историографии, слоя ученых.

Анализ современной литературы показывает, что опыт общения с историей Русского зарубежья, творчеством историков-эмигрантов, сотрудничество с зарубежными исследователями, возможность работать с ранее недоступными источниками оказали огромное влияние на российских ученых. Для второй половины 1980-х – середины 1990-х гг. был характерен культурологический подход к наследию Русского зарубежья, акцентирующий внимание на системе духовных ценностей эмиграции. Такой подход был связан с потребностью профессиональных историков найти почву в условиях смены научных парадигм, что обусловило при-

стальное внимание к выдающимся личностям Русского зарубежья, внутреннему миру человека-творца, вырос интерес к самому процессу творчества. Со второй половины 1990-х гг. акцент делается на цивилизационном подходе, который раскрывает проблему преемственности в развитии народов и культур, как по вертикали исторического процесса, так и по горизонтали взаимосвязей и взаимовлияний. В этих рамках эмигрантская историческая мысль рассматривается как часть единой российской исторической науки, которая, в свою очередь, является частью мировой историографии. Ряд работ создан в духе исторической антропологии, включившей в свой предмет поведение, обычаи, ценности, представления, верования эмигрантов. Применение принципов исторической нарратологии к изучению евразийских работ, позволило А.В. Антощенко сделать ряд оригинальных выводов [11].

Такая «смена» вполне закономерна: во второй половине 1980-е гг. общество интенсивно вело поиск новой системы ценностей, обращаясь к опыту Запада («общечеловеческие ценности»), но уже первые реформы показали, что спроецировать «цивилизованную», «демократическую» систему в одночасье не удастся. К середине 1990-х годов исчезли иллюзии относительно быстрого перехода к новой системе общественных отношений, но и возврат в прежнюю систему координат личного миропонимания и общественного поведения был невозможен. Поэтому начинается новый поиск, уже основанный на собственном историческом опыте, — поиск Государства-державы, новой национальной идеи, идейных оснований единства государства, определения его места в мире.

«Распределение» по этим методологическим основаниям сотен статей, посвященных историкам-эмигрантам, представляет определенную трудность, поскольку сами авторы не обозначают своего *credo*, и нередко в работах сочетаются совершенно разные подходы. Это показывает, что процесс методологического «самоопределения» исследователей находится в незавершенной стадии. Положительное значение данного этапа видится в том, что исторические факты не подгоняются под готовые схемы, исследователь свободен в их интерпретации, но такая свобода чревата усилением субъективизма в отборе и интерпретации этих фактов и, следовательно, существует реальная опасность формирования новых мифов.

Особенностью современной историографии стало сотрудничество отечественных и зарубежных исследователей, сформировались основные механизмы взаимодействия [12]. Новой в зарубежной историографии стала постановка проблем «утраченных возможностей» использования знаний русских эмигрантов странами-реципиентами; «прагматизм» Русской акции; ограниченность влияния эмигрантов на культу-

ру принявшего их общества вследствие ментальных и «стадиальных» различий (аграрные общества).

Отличительной чертой новейшей историографии стала персонологическая история. Появление уже в начале 1990-х годов первых монографических исследований, «портретов» историков в сборниках статей и справочных изданиях свидетельствуют о наличии определенного «задела». Как и в советской историографии, центральной фигурой современных исследований творчества историков-эмигрантов стал П.Н. Милюков. Автор широко использовала сравнительно-исторический метод при анализе трудов П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, что позволило не только показать принадлежность ученых к одному историко-научному направлению, но и выявить особенности подходов. Сравнение их концепций с поисками Н.П. Павлова-Сильванского, Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого расширило предмет исследования до анализа историографической ситуации на рубеже XIX–XX вв. и представило жизненный и творческий путь виднейших историков в культурном контексте эпохи. Такой подход (исследование творчества в целом, в контексте духовной и культурной жизни эпохи, выявление эволюции взглядов и концепций) стал своеобразным эталоном для исследователей [13].

Наряду с этим появляются работы, посвященные только эмигрантскому периоду творчества историка. А.Н. Медушевский, проанализировав работы П.Н. Милюкова, вслед за американским исследователем Т. Риха, утверждает, что Милюкова нельзя назвать учеником В.О. Ключевского, хотя он и оказал на него влияние [14].

Противопоставление Милюкова-политика Милюкову-историку имеет давнюю традицию и воспроизводит представление о соотношении политики и науки в дореволюционной историографии, сохраненное в советский период. Как нам представляется, эта дихотомия носит искусственный характер и точнее говорить об органичности взглядов и действий историка. С одной стороны, если рассматривать историческую науку как способ самопознания общества и индивида, то практическая деятельность (политика) является только реализацией этих представлений. С другой стороны, конкретная деятельность выявляет несостоятельность или противоречивость научных представлений, что, в свою очередь, ведет к их корректировке (эволюции). Сближение науки и практики на рубеже XIX–XX вв. привело к появлению нового типа ученого, который не замыкается в рамках своей науки, а активно участвует в политических процессах, общественной жизни (просветительская деятельность, сотрудничество с редакциями газет и журналов, членство в партиях и т. д.). Международные конференции, посвященные творчеству П.Н. Милюкова,

вызвали огромный интерес исследователей и можно только сожалеть, что не было докладов историографического характера [15].

Большой интерес вызывают работы, посвященные А.А. Кизеветтеру, С.П. Мельгунову, Г.В. Вернадскому, М.М. Карповичу, М.Т. Флоринскому, М.И. Ростовцеву, А.В. Флоровскому, Е.Ю. Перфецкому, П.Б. Струве и др. Анализ этой литературы показывает необходимость историографических «персоналогических» работ [16].

При всем обилии статей по истории эмиграции в странах Европы, что свидетельствует о наличии интереса и квалифицированных кадров, следует констатировать, что монографических исследований, в которых анализировалось бы творчество всей плеяды ученых-историков, долгие годы работавших здесь, нет. В монографиях Е.П. Серапионовой, Е. Чиняевой, М. Йовановича о российской эмиграции в ЧСР и на Балканах лишь частично затрагиваются вопросы по нашей теме [17]. Следует отметить также, что большинство авторов только фиксирует результаты научной деятельности, не рассматривая условия появления той или иной работы, не раскрывая сам процесс творчества [18]. В этом отношении представляется успешной попытка саратовского историка М.В. Ковалева, посвященная научному быту русских историков-эмигрантов в Праге [19].

Массив архивного материала связывает исследователей, ограничивает их аналитический и критический потенциал, что ведет только к расширению, а не углублению процесса познания. Признавая, что процесс введения в научный оборот исторических и историографических фактов является неизбежным и необходимым, мы считаем, что настало время для качественных перемен в осмыслении научного наследия эмигрантов. Это потребует, прежде всего, реконструкции самого процесса познания в культурном поле историко-научного сообщества и эмигрантской среды в целом, выявления влияния эмигрантской массы на творчество, сравнительного анализа работ эмигрантов с современными им трудами, как отечественных, так и зарубежных авторов-исследователей истории России.

Нам представляется необходимым переход к другому уровню исследований – монографическому, причем, это касается не только выдающихся представителей эмигрантской науки, но и тех, кто сформировался как историк в эмиграции. Это позволит показать реальные результаты передачи научного знания новым поколениям русских историков и определить степень их принадлежности к российской историографической традиции, а также выявить элементы влияния теоретико-методологических и концептуальных построений зарубежных школ. Интерес представляет изучение эволюции научных взглядов историков в ре-

зультате нового жизненного опыта и сотрудничества с иной научной средой. Это касается, прежде всего, младшего поколения историков-эмигрантов, получивших образование в русских эмигрантских вузах, но реализовавших себя в зарубежных университетах.

Некоторое «отставание» в изучении американской и дальневосточной ветвей эмиграции в 1990-е гг. восполнили монографии Е.В. Петрова, Н.Н. Болховитинова, Н.Е. Абловой. Изучение этих направлений эмигрантской волны уже выходит за рамки 1920–1930-х гг. Так, Е.В. Петров рассматривает эмиграцию как естественный процесс и на этой основе определяет общие черты жизнедеятельности историков-эмигрантов в США, характерные как для первой, так и второй волн. Такой подход обусловлен спецификой формирования и деятельности научной эмиграции в США, которая сразу вынуждена была работать в рамках американских научных и педагогических структур. Отличительной чертой монографии является ее практическая направленность – изучение контрактного опыта профессиональной деятельности русских эмигрантов [20].

В научном и практическом плане особый интерес вызывает изучение адаптационных процессов, которое включает в познавательное поле не только конечный итог творчества, но и внешние условия (политика правительств), внутринаучные предпосылки возникновения нового знания (формальные и неформальные объединения историков, коммуникативные связи эмигрантов). При таком подходе сам процесс познания представляется не только в виде творчества отдельного индивида, но как коллективное «сотворчество», отражающее представления профессионалов о своей науке.

Непосредственное значение для творчества историков-эмигрантов, как и интеллигенции в целом, имела численность изгнанников; мотивация исхода; социокультурные и правовые условия проживания в странах-реципиентах; социальный статус; способы передачи исторической памяти молодежи и детям; и др. Относительно пореволюционной эмиграции такой подсчет затруднен целым рядом факторов: хаосом гражданской войны, изменением территориальных границ, реэмиграцией, принятием гражданства страны проживания, использованием в политических целях вопроса о численности, как советской властью, так и ее противниками [21].

Относительно научной эмиграции цифры также разнятся. М. Раев определяет численность научных работников в 500 человек. По мнению П.Е. Ковалевского, она может быть исчислена не менее чем в тысячу, а вместе с молодым поколением она должна быть даже удвоена [22]. Последняя цифра завышена: список профессоров и доцентов Министерства народного

просвещения в начале 1917 г. включал 1500 человек, в том числе 947 профессоров [23]. В годы гражданской войны научное сообщество понесло большие потери: в документах первого съезда академических организаций перечислены 109 имен ученых, расстрелянных, умерших от истощения, сыпного тифа, покончивших жизнь самоубийством в 1917 – 1920-х годах. [24]. При сопоставлении цифр оказывается, что в эмиграции оказалась почти все профессора и доценты, что маловероятно.

Возникает, естественно, вопрос о численности историков-эмигрантов. В монографии В.Т. Пашуто говорится о 90 историках, но в приложении к монографии даны 147 имен. В это число вошли не только профессиональные историки, но и все, кто что-либо писал о России в эмиграции (насколько это было известно автору) В монографии Ю.Н. Емельянова число историков, оказавшихся вне России, определяется в 350 человек [25]. Если взять за основу – базовое образование, работа в архивах, публикация исторических трудов, то можно говорить приблизительно о 150 историках за границей. Анализ биографических данных показывает, что по возрасту преобладали историки, родившиеся в 1880 и позднее, то есть, люди среднего возраста, исследовательская деятельность которых была прервана революцией и гражданской войной. Этот вывод не совпадает с мнением С.П. Бычкова и В.П. Корзун, согласно которому «возраст большинства русских историков, оказавшихся за границей в начале 1920-х гг., достигал шестидесяти и более лет» [26]. Из-за специфики творчества в эмиграции можно предположить, что, за редким исключением, в полной мере они реализовать себя не смогли. По научным интересам преобладали историки России, историки-востоковеды, специалисты по всеобщей истории. Большинство из них окончили Петербургский и Московский университеты, что не совпадает с мнением М. Раева о преобладании выпускников периферийных вузов [27].

Относительно большое число представителей науки в некоторых странах (Франция, Германия, Чехословакия, Югославия, Болгария, позднее – США) позволило создать институциональные научные и научно-педагогические структуры эмиграции, наладить коммуникативные связи, то есть практически воссоздать систему внутренней жизни дореволюционной отечественной науки. Реставрация привычного «историографического быта», в свою очередь, способствовала научной продуктивности ученых.

Большое внимание исследователей привлекли социально-экономические и политические условия в странах-реципиентах, так как они в решающей мере определяли возможности для научной работы [28]. Многочисленны исследования, посвященные соци-

альному статусу и особенностям творчества эмигрантов в различных странах рассеяния, институциональным структурам, в том числе и формам организации историко-научного сообщества эмиграции (съезды русских академических групп, РАГ, Русское историческое общество, Русский заграничный исторический архив). В создании и функционировании этих организаций принимали участие ученые страны-реципиента, что, с одной стороны, поднимало статус общественных организаций, помогало решать организационные и финансовые вопросы; с другой стороны, это был опыт непосредственного научного общения, расширявший исследовательское поле и профессиональное сотрудничество. В 1927 г. Русское историческое общество принимало участие в международных съездах – Византийском – в Белграде, Этнографическом и Географическом – в Кракове, конференции историков Восточной Европы и Славянского мира в Варшаве. Общество вошло в состав Федерации исторических обществ Восточной Европы, в правление которой был избран А.В. Флоровский. Если учесть, что до 1928 года советские ученые не были представлены на международных научных конгрессах, то можно уверенно говорить, что состояние русской науки на международной арене оценивалось именно трудами ее эмигрантской части. Эта сторона жизнедеятельности историко-научного сообщества, как нам представляется, фактически не исследована.

Выступления на съездах ученых принимающих стран показывают процесс формирования новых научных направлений, связанных с русской историей. Тем самым закладывались основы передачи этих знаний новым поколениям, формировалось единство культурного европейского пространства, составной частью которого становилась российская история. В литературе эти проблемы освещаются в самых общих чертах. Между тем, как показывают архивные материалы, такое исследование могло бы дать богатый материал для характеристики творческого процесса, проследить эволюцию взглядов историков, показать жизнь эмиграции на уровне межличностных отношений. Значительный интерес представляет исследование механизмов взаимодействия между академическими группами, региональными научными объединениями, местных национальных и международных ученых сообществ, определение границ интеллектуальной свободы эмигрантов в условиях иноязычной и инокультурной среды.

Литература:

1. Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М.: Международные отношения. 1990. 462 с.; Соничева Н.Е.

На чужом берегу (К истории русской эмиграции в послеоктябрьский период). М.: Знание, 1991. 63 с.

2. Поляков Ю.А. Российское зарубежье: проблемы истории // Проблемы изучения истории российского зарубежья: сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 6 – 7.

3. Квакин А.В. Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции: К постановке проблемы // Культура российского зарубежья / Отв. ред. А.В. Квакин, Э.А. Шулепова. М., 1995. С. 23.

4. Шкаренков Л.К. У нас есть возможность по-новому прочесть литературное наследие зарубежья // Проблемы изучения истории российского зарубежья: Сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 25-28; Вандалковская М.Г. Задачи изучения эмигрантской исторической науки // Селунская В.М. Проблема «Российское зарубежье XX века»: изучение и преподавание на историческом факультете МГУ // Там же; Шулепова Э.А. Проблемы адаптации российской эмиграции // Культурное наследие российской эмиграции: 1917-1940.: междунар. науч. конф., Москва, сент.1993; В 2 т./Под общ. ред. академика Е.П. Челышева и профессора Д.М. Шаховского. М.: Наследие, 1994. Т. 1. С. 168-176; Селунская В.М. Проблема «Российское зарубежье XX века»: изучение и преподавание на историческом факультете МГУ // Проблемы изучения истории российского зарубежья: сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 65-66; и др.

5. Тарле Г.Я. История российского зарубежья: некоторые понятия и основные этапы // Проблемы изучения истории российского зарубежья: сб. ст.: М.: ИРИ РАН, 1993. С.15-16. Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии. Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Екатеринбург, 2001. С. 13; Raeff M. Recent Perspectives on the History of the Russian Emigration (1920 – 1940) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. 2. Р. 334; Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: изд-во РГГУ, 2008. 545 с.

6. Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1. С.53-69.

7. Тарле Г.Я. Проблемы адаптации в историографии российской эмиграции // История российского зарубежья: Проблемы историографии (конец XIX – XX в.). М.: ИРИ РАН, 2004. С.36.

8. Бочарова З.С. Современная историография российского зарубежья. 1920-1930-е гг. // Отечественная история. 1999. № 1. С. 91-102; Бочарова З.С. Основные тенденции развития отечественной историографии российской эмиграции за восемьдесят лет (1920-2000) // История российского зарубежья: Проблемы историографии (конец XIX-XX в.): сб. ст. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 46; Селунская В.М. Проблема «Российское зарубежье XX века»: ее изучение и пре-

подавание на историческом факультете МГУ // Проблемы изучения истории российского зарубежья: сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 64-78; Селунская В.М. Проблема интеграции эмигрантов в российском зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998. №1. С. 3-26; Шпаковская М.А. А.А. Кизеветтер в отечественной историографии. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2003. 26 с.; История российского зарубежья: Проблемы историографии (конец XIX – XX в.): сб. ст. М.: ИРИ РАН, 2004. 191 с.

9. Вандалковская М.Г. Задачи изучения эмигрантской исторической науки // Проблемы изучения истории российского зарубежья: сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1993. С.29, 36,40; Вандалковская М.Г. О традициях дореволюционной науки // Россия в XX веке: судьбы исторической науки: сб. ст. М.: Наука, 1996. С. 95, 97.

10. Бойков В.Ф. Судьба и грехи России (философско-историческая публицистика Г.П. Федотова) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб.: София, 1991. с. 3-38; Beaune Daniele. La rehabilitation de Fedotov et la mise en causa de Klioutchevski La Revue Russe. Paris, 1998. № 14. Р. 29, 31. Ястребицкая А.Л. Л.П. Карсавин // Вопросы истории. 1996. № 8; Володихин Д.М. Критика теории прогресса в трудах Р. Ю. Випера // Вопросы истории. 1999. № 2; Ястребицкая А.Л. Л.П. Карсавин // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 101-109; Володихин Д.М. Критика теории прогресса в трудах Р. Ю. Випера // Вопросы истории. 1999. № 2. С.153-162.

11. Антощенко А.В. «Евразия» или «святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории. Петрозаводск: Ред.-изд. отд-ние Карел. науч. центра РАН, 2003. 390 с.

12. Булатова Р.В. Основатель югославской палеографической науки – В.А. Мошин // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индик, 1996. С.181-199; Ганчева Т.П. П.М. Бицилли – опыт возвращения // П.М. Бицилли. Избранное. София, 1993. С. 7-40; Димич Л. Русские школы в королевстве Югославии. 1920-1941 // Русская эмиграция в Югославии: Сб. ст. М.: Индик, 1996. С. 181-199; Досталь М.Ю. Российские слависты-эмигранты в Братиславе // Славяноведение. 1993. № 4. С. 49-62; Досталь М.Ю. Проблемы закарпатского национального возрождения в трудах русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии // Славяноведение. 1997. № 6. С. 67-72; Михальчик Р. История сербского права в трудах Федора Тарановского // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индик, 1996. С. 223-236; Радич Р. Георгий Острогорский и сербская византология // Там же. С. 200-205; Сибинович М. Значение русской

эмиграции в сербской культуре XX века: границы и перспективы исследования // Там же; Pickova D. Antonij Vasiljevic Florovskij, historic-emigrant // *Ruska a ukrajinska emigrace v Csr v letech 1918 – 1945* (Sbornik studi – 1). Praha, 1993. S. 63-67; и др.

13. Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., Наука. 1992. 288 с.; Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков // *Историки России XVIII-XX веков: Приложение к журналу «Исторический архив»*. М., 1995-1998. Вып. 2; Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков // *Портреты историков. Время и судьбы*. М. – Иерусалим: Университетская книга-Sarateum, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 164-176; Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. Ч. I. Жизнь в науке 1859-1904. М.: ИРИ РАН, 1993. 238 с.

14. Медушевский А.Н. П.Н. Милюков: ученый и политик // *История СССР*. 1991. № 4. С. 39-40.

15. Бирман М.А. К истории изучения жизненного и творческого пути П. Н. Милюкова // *Отечественная история*. 1997. № 1. С. 93-97; Брейяр С. Портрет Милюкова // *Отечественная история*. 1993. №3. С. 155-162; П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат: Материалы международной научной конференции. Москва, 26-27 мая 1999 г. М., 2000. 540 с.

16. Вандалковская М.Г. А.А. Кизеветтер // *Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX в.: Энцикл. биогр. слов. М.: РОССПЭН*, 1997. С. 415-417; Вандалковская М.Г. Из истории российской эмиграции в Чехословакии. А.А. Кизеветтер // *Rossica: Науч. исслед. по русистике, украинистике и белорусике*. 1 (1996), № 1. С. 43-60; Вандалковская М.Г. А.А. Кизеветтер // *Портреты историков. Время и судьбы*. М.-Иерусалим: Университетская книга – Sarateum, 2000. Т. 1. С.154-163; Шпаковская М.А. А.А. Кизеветтер в российской историографии. М.: изд-во РУДН, 2003. 314 с.; Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов в России и в эмиграции. М: Эдиториал УРСС, 1997. 350 с.; Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. 139 с.; Лаптева Л.П. Русский историк-эмигрант А.В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // *Вестник МГУ. Серия 8. История*. 1994. №1. С.55-63; Досталь М.Ю. Российские слависты-эмигранты в Братиславе // *Славяноведение*. 1993. № 4. С. 49-62; Балуев Б.П. П.Б. Струве как историк (К постановке проблемы) // *Отечественная история*. 2001. №2. С.117-133; и др.

17. Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20-е годы). М.: ИСБ, 1995. 196 С.; Chinyaeva E. *Russians outside Russia: the Émigré Community in Czechoslovakia, 1918-1938*. Munchen, 2001. 280 с.; Йованович М. *Русская эми-*

грация на Балканах. 1920 – 1940. М.: изд-во «Русский путь», 2005. 488 с.

18. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1877-1953) // *Славяноведение*. 1997. №4. С.49-63; Бонгард-Левин Г.М. Академик М.И. Ростовцев и русская эмиграция // *Культурное наследие российской эмиграции. 1917-1940: докл. Междунаро. науч. конф., Москва, сентябрь, 1993 г.В 2 т. Т.1. М.: Наследие, с. 130-136; Горяинов А.Н. Одесский славист М.Г. Попруженко в Болгарии (1920-1944) // Там же. Т. 1. С.137-143; Дурновцев В.И., Кулешов С.В. Жизнь и судьба П.Н. Савицкого // Там же. Т. 1. С.144-152; Живоино-вич М. Владимир Алексеевич Мошин как историк Афона // *Русская эмиграция в Югославии*. М.: Индрик, 1996. С. 174-182; Копецка Л. Н.П. Кондаков и чешская среда // *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии: сб. докл. междунаро. конф., Прага, 14-15 августа 1995 г.* Прага, 1995. Ч. II. С. 638-641; Соничева Н.Е. Патриарх русской историографии в США // *Библиография*. 1994. № 6. С. 82-91; и др.*

19. Ковалев М.В. *Русские историки-эмигранты в Праге (1920-1940 гг.)*. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2012. 408 с.

20. Хисамутдинов А.А. *Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиогр. слов. Владивосток, 2000. 458 с.; Петров Е.В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в I половине XX в.* СПб.: СПб филиал РТА, 2001. 158 с. *Российская эмиграция на Дальнем Востоке*. Владивосток, 2000. 186 с.; Аблова Н.Е. *История КВЖД и Российская эмиграция в Китае (первая половина XX века)*. М., 2004. 432 с.

21. П.Е. Ковалевский определял численность эмигрантов 93 888 в 1931 г. и 91 577 в 1936 г. См.: *Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970)*. Париж: 1. Librairie des cinq continents сб 1971-1973. ч. 2. С. 32. Бирман М.А., Горяинов А.Н. отмечают, что к началу 1922 г. в Болгарии оказались от 30 до 40 тысяч российских эмигрантов, что имели место перемещения как внутри страны, так и за ее пределы. Часть вернулись на Родину. См.: *Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920 – 1930-х годов* // *Новая и новейшая история*. 2002. № 1. С. 174; Тесемников В.А. определяет численность эмигрантов в Югославии в 1921 г. 20 568 человек: *Русские в учебных заведениях Югославии (1921-1941)* // *Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры*. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 29. М.Йованович раскрывает динамику перемещений внутри стран и за их рубежи вследствие политических, экономических изменений, политики правящих режимов. Но даже при такой тщательности изучения проблемы использование этих данных предполагает точную датировку.

Йованович М. Россия в изгнании // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик, 1996. С. 34-35.

22. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919-1939. Пер. с англ./ Предисл. О. Казниной. М.: Пресс-Академия, 1994. С.199; Ковалевский П.Е. Указ. соч. С. 78-79.

23. Сухарев Ю.М. Материалы к истории русско-го научного зарубежья: В 2-х книгах. М., 2002. Т. 2. Образование и наука русского зарубежья. С. 387.

24. Подсчитано нами: Первый и второй съезды русских академических организаций за границей. Прага, 1923. С. 85-91.

25. В монографии Ю.Н. Емельянова число историков, оказавшихся вне России, определяется в 350 человек. См.: Пашуто ВТ. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. С. 13; Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов в России и эмиграции. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 5. В монографии «История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920 – 1940-е годы)» (М.: Русская панорама, 2008. 494 с.) Емельянов дает две цифры «около 200 человек» (по В.Т. Пашуто) и 359 человек (авторские подсчеты).

26. Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в русскую историографию отечественной истории XX века. Омск: изд-во Омского ун-та, 2001. С. 318.

27. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919-1939: Пер. с англ. / Предисл. О. Казниной. М.: Пресс-Академия, 1994/ С. 199.

28. Schlogel K. "Stieftmutter" unter den russischen Stadten // Der grosse Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. S. 234-259; Хенце III. Русская эмиграция в Германии. 1918-1941 // Отечественная история. 1995. № 6. С. 209-211; Тесемников В.А. Русские в учебных заведениях Югославии (1921-1941 гг.) // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 29-33; Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919-1945) // Вопросы истории. 1988. №10. С.128-137; Тесемников В.А. Белград как один из научных центров российского зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции: 1917-1940. Т. 1. М.: Наследие, 1993. С.325-331; Tesemnikov V. Belgrad: Die russischen Emigranten in Jugoslawien // Der grosse Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941// Der grosse Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. Munchen: Beck, 1994. S. 86-111; Миленкович Т. Общество русских ученых в Югославии. 1920-1941 // Русская эмиграция в Югославии. М.:Индрик, 1996. С. 136-147; Бирман М.А., Горяинов А.Н. Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920-1930-х годов// Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 189-190; Савицкий И. Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919-1939 гг. // Русская, украинская и белорусская

эмиграция в Чехословакии между двумя войнами: сб. докл. междунаро. конф. Прага, 14-15 августа 1995 г. Прага, 1995. Т. 1. С. 46-53; Andreev C, Savicky I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918 – 1938. New Haven. 2004. 246 p.

References:

1. Kostikov V.V. Let's not curse expulsion... Ways and fortunes of the Russian emigrants. M.: Mezhdunarodniye otnosheniya. 1990. 462 p.; Sonitcheva N.E. On the foreign side: On the history of the Russian emigration in the after-October period). M.: Znaniye, 1991. 63 p.

2. Polyakov Yu. A. The Russian expatriate community: problems of history // Problems of the historical studies of the Russian expatriate community: collection of articles M.: IRI RAN, 1993. P. 6 – 7.

3. Kvakin A.V. The cultural mission of the Russian intelligenzia in emigration: On the problem development // Culture of the Russian expatriate community / Editors-in-chief A.V. Kvakin, E.A. Shulepova. M., 1995. P. 23.

4. Shkarenkov L.K. We have an opportunity to read the literary heritage of expatriate community from a new angle // Problems of the historical studies of the Russian expatriate community: collection of articles M.: IRI RAN, 1993. P. 25-28. Vandalkovskaya M.G. Studying tasks of immigrants' history // Selunskaya V.M. Problem "The Russian expatriate community of XX century": studying and teaching at the history department MGU // Ibid. Shulepova E.A. Problems of the Russian emigration adaptation// Cultural heritage of the Russian immigration: 1917-1940.: intern. scient. conf., Moscow, Sept. 1993: In 2 vol./Edited by academician E.P. Tchelishev and professor D.M. Shakhovskiy. M.: Naslediye, 1994. V. 1. P. 168-176; Selunskaya V.M. Problem "The Russian expatriate community of XX century": studying and teaching at the history department MGU// Problems of the historical studies of the Russian expatriate community: collection of articles M.: IRI RAN, 1993. P. 65-66; and others.

5. Tarle G.Ya. History of the Russian expatriate community: some notions and main stages // Problems of the historical studies of the Russian expatriate community: collection of articles M.: IRI RAN, 1993. P. 15-16. Pronin A.A. The Russian emigration in the modern historiography. Abstract of the dissertation, Ekaterinburg, 2001. P. 13; Raeff M. Recent Perspectives on the History of the Russian Emigration (1920 – 1940) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. 2. P. 334; Pivovarov E.I. the Russian expatriate community: social-historical phenomenon, role and place in cultural-historical heritage. M.: published by RGGU, 2008. 545 p.

6. Pushkaryova N.L. Appearance and development of the Russian Diaspora abroad // *Otechestvennaya istoriya*. 1996. № 1. P.53-69.
7. Tarle G.Ya. Adaptation problems of the Russian emigration in historiography // (the end of XIX – XX c.). M.: IRI RAN, 2004. P.36.
8. Botcharova Z.S. Modern historiography of the Russian expatriate community. 1920-1930-s // *Otechestvennaya istoriya*. 1999. № 1. P. 91-102; Botcharova Z.S. Modern trends of the development of native historiography of the Russian expatriate community for 80 years (1920-2000) // *History of the Russian expatriate community: Problems of historiography* // (the end of XIX – XX c.). M.: IRI RAN, 2004. P.46. Selunskaya V.M. Problem “The Russian expatriate community of XX century”: studying and teaching at the history department MGU // *Problems of the historical studies of the Russian expatriate community: collection of articles* M.: IRI RAN, 1993. P. 64-78. Selunskaya V.M. Problem of emigrants’ integration in the Russian expatriate community between two World Wars in the native historiography // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 8. Istoriya*. 1998. №1. P. 3-26; Shpakovskaya M.A. A.A. Kizavetter in the native historiography. Abstract of the dissertation. M., 2003. 26 p.; *History of the Russian expatriate community: Problems of historiography* // (the end of XIX – XX c.). M.: IRI RAN, 2004. 191 p.
9. Vandalkovskaya M.G. Studying of emigrants’ history // *Problems of the historical studies of the Russian expatriate community: collection of articles* M.: IRI RAN, 1993. P. 29, 36, 40; Vandalkovskaya M.G. About the traditions of pre-revolutionary science // *Russia in XX century: fate of history: coll. of articles*. M.: Nauka, 1996. P. 95, 97.
10. Boikov V.F. Fate and sins of Russia (philosophical and historical publicism by G.P. Fedotov) // Fedotov G.P. Fate and sins of Russia / selected articles in philosophy of the Russian history and culture. StPetersb.: Sofia, 1991. p. 3-38; Beaune Daniele. La rehabilitation de Fedotov et la mise en causa de Klioutchevski La Revue Russe. Paris, 1998. № 14. P. 29, 31. Yastrebitskaya A.L. L.P. Krasavin // *Voprosy istoriyi*. 1996. № 8; Volodikhin D.M. Criticism of the progress theory in the writings of R.Yu. Viper // *Voprosy istoriyi*. 1999. № 2; Yastrebitskaya A.L. L.P. Krasavin // *Voprosy istoriyi*. 1996. № 8; Volodikhin D.M. Criticism of the progress theory in the writings of R.Yu. Viper // *Voprosy istoriyi*. 1999. № 2; P.153-162.
11. Antoshchenko A.V. “Eurasia” or “saint Russia”? (The Russian emigrants searching self-consciousness in the historical journey. Petrosavodsk: Edited by Karelia scientific center RAN, 2003. 390 p.
12. Bulatova R.V. V.A. Moshin as a founder of the Yugoslavian paleography // *The Russian emigrants in Yugoslavia*. M.: Indrik, 1996. P.181-199; Gancheva T.P. P.M. Bitsilli – experience of coming back // P.M. Bitsilli. Selection. Sofia, 1993. P. 7-40; Dimitich L. The Russian schools in the Yugoslavian kingdom. 1920-1941 // *The Russian emigrants in Yugoslavia*. M.: Indrik, 1996. P.181-199; Dostal M.Yu. The Russian Slavists-emigrants in Bratislava // *Slavonic studies*. 1993. № 4. P. 49-62; Dostal M.Yu. Problems of Zakarpatye national revival in the writings of the Russian and Ukranian emigrants in inter-wars Czechoslovakia // *Slavonic studies*. 1993. № 4. P. 67-72. Mikhaltchich R. History of the Serbian law in the writings of F. Taranovskiy // *The Russian emigrants in Yugoslavia*. M.: Indrik, 1996. P. 223-236; Raditch R. G. Ostrogorskiy and the Serbian byzantology // *Ibid*. P. 200-205; Sibinovitch M. Importance of the Russian emigration in the Serbian culture of XX century: scope and perspectives of study // *Ibid*.; Pickova D. Antonij Vasiljevic Florovskij, historic-emigrant // *Ruska a ukrajinska emigrace v Csr v letech 1918 – 1945 (Sbornik studi – 1)*. Praha, 1993. S. 63-67; and others.
13. Vandalkovskaya M.G. P.N. Milyukov, A.A. Kizavetter: history and politics. M.: Nauka. 1992. 288 p.; Vandalkovskaya M.G. P.N. Milyukov // *Historians of Russia XVIII-XX c.: Appendix to the journal “Historical archive”*. M., 1995-1998. Issue 2; Vandalkovskaya M.G. P.N. Milyukov // *Historians’ portraits. Epochs and destiny*. M. – Jerusalem: Universitetskaya kniga – Carateum, 2000. V. 1. Native history. P. 164-176; Dumova N.G. A liberal in Russia: tragedy of incompatibility. Historical portrait of P.N. Milyukov. P.I. Life in science 1859-1904. M.: IRI RAN, 1993. 238 p.
14. Medushevskiy A.N. Milyukov: a scientist and politician // *Istoriya Rossiyi*. 1991. № 4. P. 39-40.
15. Birman M.A. On the history of studying life and creation journey of P.N. Milyukov // *Otechestvennaya istoriya*. 1997. № 1. P. 93-97; Breyar S. Milyukov’s portrait // *Otechestvennaya istoriya*. 1997. № 1. P. 155-162; P.N. Milyukov: historian, mpolitician, diplomat: Materials of international research conference. Moscow, May 26-27, 1999. M., 2000. 540 p.
16. Vandalkovskaya M.G. A.A. Kizvetter // the Russian expat community: A golden book of emigration: The 1st third of XX c.: *Encycl. Biograph. Dictionary*. M.: ROSSPEN, 1997. P. 415-417; Vandalkovskaya M.G. From the history of the Russian emigration in Czechoslovakia. A.A. Kizavetter // *Rossica: Russian, Ukrainian and Belorussian studies*. 1 (1996), № 1. P. 43-60; Vandalkovskaya M.G. A.A. Kizvetter // *Historians’ portraits. Epochs and destiny*. M. – Jerusalem: Universitetskaya kniga – Carateum, 2000. V. 1. P. 154-163; Shpakovskaya M.A. A.A. Kizavetter in the Russia historiography. M.: published by RUDN, 2003. 314 p.; Emelyanov Yu.N. S.P. Melgunov in Russia and in emigration. M: Editorial URSS, 1997. 350 p.; Bolkhovitinov N.N. The Russian scientists-emigrants (G.V. Vernadskiy, M.M. Karpovitch, M.T. Florinskiy) and

development of the Russian studies in the USA. M., 2005. 139 p.; Lapteve L.P. Russian historian-emigrant A.V. Florovskiy as a researcher of the Czech-Russian relations // Vestnik MGU. Series 8. Istoriya. 1994. №1. P.55-63; Dostal M.Yu. The Russian slavists-emigrants in Bratislava // Slavyanovedeniye. 1993. № 4. P. 49-62; Baluyev B.P. P.B. Struve as a historian (on the problem definition) // Otechestvennaya istoriya. 2001. №2. P.117-133; and others.

17. Serapionova E.P. The Russian emigration in the Czechoslovakian Republic (1920-s). M.: ISB, 1995. 196 P.; Chinyayeva E. Russians outside Russia: the Émigré Community in Czechoslovakia, 1918-1938. Munchen, 2001. 280 p.; Yovanovitch M. The Russian emigration on the Balkans. 1920 – 1940. M.: published by “Russkiy put”, 2005. 488 p.

18. Birman M.A. P.M. Bitsilly (1877-1953) // Slavonic studies. 1997. №4. P.49-63; Bongard-Levin G.M. Academician M.I. Rostovtsev and the Russian emigration // Cultural heritage of the Russian emigration. 1917-1940: report at the International research conference, Moscow, September, 1993. In 2 v. V.1. M.: Naslediye, p. 130-136; Zhivoinovitch M. V.A. Moshin as a historian of Athos // The Russian emigration in Yugoslavia. M.: Indrik, 1996. P. 174-182; Kopetska L. N.P. Kondakov and the Czech environment // The Russian, Ukrainian and Belorussian emigration in Czechoslovakia: coll. reports of the intern. conf., Prague, August 14-15, 1995. Prague, 1995. P. II. P. 638-641; Sonitcheva N.E. Patriarch of the Russian historiography in the USA // Bibliography. 1994. № 6. P. 82-91; and others.

19. Kovalyov M.V. The Russian historians-emigrants in Prague (1920-1940). Saratov: Sarat. State. techn. Univ., 2012. 408 p.

20. Khisamutsinov A.A. The Russian emigration in the Asian-Pacific region and the Southern America: Bibliogr. Dict. Vladivostok, 2000. 458 p.; Petrov E.V. Scientific-pedagogical activity of the Russian historians-emigrants in the USA in 1st half of XX c. StPetersb.: StPetersb. Branch RTA, 2001. 158 p.; The Russian emigration on the Far East. Vladivostok, 2000. 186p.; Ablova N.E. History of KVZhD in China (1st half of XX c.). M., 2004. 432 p.

21. According to P.E. Kovalevskiy there were 93 888 emigrants in 1931 and 91 577 – in 1936. Ref.: Foreign Russia. History and cultural-educational work of the Russian expat community for the half of the century (1920-1970). Paris: 1. Librairie des cinqs continents 1971-1973. p. 2. P. 32. Birman M.A., Goryainov A.N. point out that by the beginning of 1922 there were 30-40 thousands of the Russian emigrants in Bulgaria, there were transitions both inside and outside the country. Part of them came back to Russia. Ref.: The Russian intellectuals-emigrants in Bulgaria 1920 – 1930-s // Novaya i noveyshaya istoriya. 2002. № 1. P. 174; According

to Tesemnikov V.A. the amount of emigrants in Yugoslavia in 1921 equals 20 568: The Russians in educational establishments of Yugoslavia (1921-1941) // The role of the Russian expat community in preserving and developing of the native culture. M.: IRI RAN, 1993. P. 29. M. Yovanovitch reveals the dynamics of transitions within the country and abroad due to political, economic changes, policy of the ruling regimes. Yovanovitch M. Russia in exile // The Russian emigration in Yugoslavia. M.: Indrik, 1996. P. 34-35.

22. Rayev M. Russia abroad. History of the Russian emigration's history. 1919-1939. Translated from Eng. / Introduction by O. Kaznina. M.: Press-Akademika, 1994. P.199; Kovalevskiy P.E. Ukaz. Soch. P. 78-79.

23. Sukharev Yu.M. Materials on the history of the Russian scientific expatriate community: In 2 books. M., 2002. V. 2. Education and science of the Russian expatriate community. P. 387.

24. Calculated by us: the 1st and 2nd assembly of the Russian academic organizations abroad. Prague, 1923. P. 85-91.

25. According to Yu.N. Emelyanov's monograph there are 350 historians outside Russia. Ref.: Pashuto V.T. The Russian historian-emigrants in Europe. M.: Nauka, 1992. P. 13; Emelyanov Yu.N. S.P. Melgunov in Russia and emigration. M.: Editorial URSS, 1998. P.5. In monograph “History in exile: Historical periodicals of the Russian emigration (1920 – 1940-s)” (M.: Russkaya panorama, 2008. 494 p.) Emelyanov introduces two numbers “about 200 people” (according to V.T. Pashuto) and 359 people (the author's calculation).

26. Bytchkov S.P., Korzun V.P. Introduction to the Russian historiography of the native history of XX c. Omsk: published by Omsk university, 2001. P.318.

27. Rayev M. Russia abroad. History of the Russian emigration's culture. 1919-1939: Transl. from Eng. / Introduction by O. Kaznina. M.: Press-Akademiya, 1994/ P. 199.

28. Schlogel K. “Stiefmutter” unter den russischen Stadten // Der grosse Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. S. 234-259; Khentse Sh. The Russian emigration in Germany. 1918-1941 // Native history. 1995. № 6. P. 209-211; Tesemnikov V.A. The Russians in educational establishments of Yugoslavia (1921-1941) // The role of the Russian expat community in preserving and developing of the native culture. M.: IRI RAN, 1993. P. 29-33; Tesemnikov V.A. The Russian emigration in Yugoslavia (1919-1945) // Voprosy istoriy. 1988. №10. P.128-137; Tesemnikov V.A. Belgrad as one of the research centers of the Russian expat community // Cultural heritage of the Russian emigration: 1917-1940. V. 1.M.: Naslediye, 1993. P.325-331; Tesemnikov V. Belgrad: Die russischen Emigranten in Jugoslawien // Der grosse Exodus: die russische Emigration

und ihre Zentren 1917 bis 1941// Der grosse Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. Munchen: Beck, 1994. S. 86-111; Milenkovitch T. The society of the Russian scientists in Yugoslavia. 1920-1941 // Русская эмиграция в Югославии. М.:Indrik, 1996. P. 136-147; Birman M.A., Goryainov A.N. The Russian intellectuals-emigrants in Bulgaria 1920-1930-s // Novaya i noveishaya istoriya. 2002. № 1. P. 189-190; Savitskiy

I. Stages of development of Prague Russian emigration in 1919-1939 // The Russian, Ukrainian and Belorussian emigration in Czechoslovakia between two wars: coll. reports. Intern. Conf. Prague, August 14-15, 1995. V.1. P.46-53; Andreev C, Savicky I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918 – 1938. New Haven. 2004. 246 p.